

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

М. М. Фрейденберг. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972, 252 стр.

М. М. Фрейденберг — автор многих статей по проблемам истории города и деревни в феодальной Далмации. В его докторской диссертации «Далматинский город и его сельская округа в XIII—XV вв.» основной упор сделан на изучение особенностей истории города, а история сельской округи служит лишь фоном. Книга же «Деревня и городская жизнь Далмации XIII—XV вв.» построена иначе: здесь автор обратился преимущественно к сельским проблемам, особенно к истории пригородной деревни, которая развивалась в непосредственной близости к городу.

Книга выросла из специального курса лекций, прочитанного на историческом факультете Калининского государственного университета. Но о таком происхождении работы свидетельствует совсем немногое: она разделена не на «главы», а на «лекции», вместо подстрочных примечаний — комментарии. В целом же работа гораздо шире, чем просто публикация спецкурса. Это солидная монография с полным научным аппаратом и ценными приложениями (публикация двух важных источников, картосхемы, метрологическая справка, библиография, резюме на английском языке).

Средневековая хорватская деревня уже не раз привлекала внимание советских историков. Вскоре после войны вышли в свет книги Б. Д. Грекова «Винодол» и «Полица», в которых анализировались самые известные памятники обычного хорватского права. Позднее деревню X—XI вв. изучали Е. А. Ефремов и Ю. В. Бромлей, исследовавшие ранний этап феодализации в Хорватии¹. Книга М. М. Фрейденберга позволяет увидеть более поздний этап социальной эволюции и строится на использовании не только сельских судебных книг, но и городских статуты (из Задара, Шибеника, Сплита, Трогира), нотариальных актов, судебных протоколов, в общем всего, что сохранили городские архивы.

Изучение автором сборников обычного права с адриатического побережья Хорватии не ограничивается Полициком и Винодолскими статутами; к работе привлекаются уставы из Истрии (Каставский, Мощеницкий и Вепринацкий) и из северной Далмации (Новиградский). Некоторые из них никогда не изучались в советской литературе, а между тем они являются превосходными историческими и историко-этнографическими источниками. Судебники содержат сведения о народных обычаях, внутрисемейных отношениях, общинных традициях, способах раздела задружного (т. е. большесемейного) имущества; особенно интересен в этом смысле Новиградский сборник 1551—1553 гг. (М. М. Фрейденберг начал изучать его еще в 1962 г.).

Работа ученого над судебниками проводилась в трех различных направлениях. Прежде всего исследователь прослеживает постепенное превращение судебных книг из собрания норм обычного права в записи феодальных повинностей (стр. 22), показывает, как постепенно убывают черты общинного быта и нарастают элементы вотчинного подчинения. Наиболее «общинным» судебником, по мысли автора, является Полицкий статут, а наиболее «вотчинным» — неизвестный до сих пор советской и зарубежной науке «Вранский законник», записанный по-итальянски в 1454 г. неподалеку от Задара. М. М. Фрейденберг обнаружил его списки в бумагах покойного задарского историка И. Грлича и публикует в итальянском оригинале и русском переводе. Вранский судебник, весьма любопытный сам по себе, важен еще и потому, что как бы восполняет недостающее звено в той цепи, в которую «выстраиваются» далматинские сельские сборники обычного права XIII—XV вв.

Второй ракурс анализа сельских судебных книг, который предлагает М. М. Фрейденберг, — это изучение общинных распорядков в приморской деревне (лекция «Общинные связи»). Внимание к этой теме совершенно закономерно: в южнославянских странах в течение столетий устойчиво сохранялись общинные традиции, и далматинское побережье не составляет в этом отношении исключения. Автор выделяет и отдельно рассматривает различные типы общины: большую семью, патронимию (рагептес, «верные братья»), наконец, соседскую общину — марку, которая здесь была велика, включая в себя целую округу — жупу (типа Полицкой жупы). Он обращает особое внимание на важный компонент соседской общины — наделную систему. Существование наделов («ждиеб», *sorgs*) уже отмечалось в литературе. Но М. М. Фрейденбергу удалось сделать здесь два принципиальных (притом весьма существенных) наблюдения. Во-первых, он находит следы наделов не только в XIII—XIV вв., как это принято было считать, но и в конце XI в. Во-вторых, он устанавливает, что зона

¹ Б. Д. Греков, Винодол, М.—Л., 1948; его же, Полица (опыт изучения общественных отношений в Полице), М., 1951; Е. А. Ефремов, Формирование феодальной собственности на землю в Далматинской Хорватии в X—XI вв., «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XX, 1960, стр. 159—195; Ю. В. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии (к изучению процесса классовобразования у славян), М., 1964.

распространения общинных наделов обычно приближается к городу не ближе чем на полтора десятка километров, т. е. располагается как бы на городской периферии; одновременно она является и зоной распространения вотчинных отношений. В результате автор приходит к любопытному заключению, что система общинных наделов была здесь включена в систему вотчинной эксплуатации, послужила чуть ли не ее организационной основой. Разумеется, эта закономерность нуждается в серьезной проверке: пока она выведена лишь на материалах округа г. Задара.

Несомненный интерес представляет еще один общинный коллектив — «лига». Автор считает, что лига, не имевшая иных функций, кроме судебного-административных, была социальным органом, производным от соседской общины. Создается, однако, впечатление, что это слишком общее определение можно было бы уточнить: лига выглядит как модифицированный рудимент или, возможно, вторичная разновидность сельского схода. Члены лиги (только домохозяева!) регулярно устраивали сборы («збороро» — так лига называется в венецианских документах), где судили и наказывали пойманных преступников и договаривались о поддержании порядка в своей округе. Данные о лиге, таким образом, позволяють познакомиться с той стороной общественной жизни, которая чаще остается для исследователя в тени, — с внутренним, правопорядком и самоуправлением. Автор считает, что самоуправление достигает в Далмации наибольшего развития во второй половине XV в., и связывает это с вторжением турок, когда начинается полоса войн и разбоев, и Венеция стремится переложить на самих крестьян расходы и хлопоты, необходимые для поддержания порядка на селе. Рассмотрение «внутренней» стороны сельской жизни помогло автору показать влияние ситуационных факторов на сохранение и возрождение местных традиционных институтов.

В книге предложен и третий путь изучения обычного права: автор пытается проникнуть в духовный мир общинника и увидеть общину как бы его глазами. Этому посвящен раздел «Крестьянская свобода», появление которого стало возможным благодаря пристальному и во многом свежему прочтению судебных (главным образом Полицкого статута и Новиградского сборника). Внимание исследователя привлекает образ мышления средневекового далматинского крестьянина, сохранение в его воззрениях ряда архаических черт, его стремление к публичности, гласности совершаемых акций (особенно связанных с имущественными вопросами). Интересно и наблюдение об уважительном отношении местного права к труду за плату, что автор связывает с распространенным в далматинской деревне наемным трудом.

В книге дается обстоятельная характеристика присущей Далмации системы феодальной эксплуатации. Феодальной вотчине там обычно сопутствовало так называемое «кметство». Кметское держание было в известной степени подчинено вотчинной юрисдикции и аппарату вотчинной администрации, кмет был обязан полевой барщиной. Но эта форма крестьянской зависимости была распространена лишь на периферии приморской области, в далматинской «глубинке». В пригородных же зонах бытовала иная система поземельных отношений — колонат, составлявший важнейшую часть здешних правоотношений: местные крестьяне были колонами вплоть до нового времени.

Основной вывод сводится к тому, что колонат сформировался под воздействием не вотчины, а города. В доказательство приводятся особенности самого колонского держания: дробность владений, применение денежного аванса (когда перед разбивкой виноградника колон получал ссуду от землевладельца), товарные связи колоны с городским рынком. Автор специально подчеркивает, что колоны занимались по преимуществу садоводством и виноградарством и что, с другой стороны, колонатные отношения были распространены главным образом именно в виноградарстве и садоводстве (в частности, при разведении оливок). Однако справедливее было бы считать далматинский колонат с его особенностями следствием не одного только развития городов, но всей совокупности местных условий, прежде всего природных. В частности, известно, что культивирование винограда и оливок появлялось здесь еще до расцвета городской жизни, в раннем средневековье, и продолжается во время упадка городов под властью венецианцев — это отмечает и сам автор.

Особого внимания заслуживает интересное заключение М. М. Фрейденберга о неоднородности общественной структуры средневековой Далмации, точнее, о существовании в ней двух укладов: господствующего феодального (в свою очередь отличавшегося внутренней неоднородностью) и подчиненного ему общинного. Вывод о том, что общинные отношения в тогдашней Далмации представляли собой не просто отдельные, пусть значительные, штрихи быта, но существовали в виде особого уклада, вполне закономерно вытекает из всей аргументации автора, касающейся общинных распорядков и занятия населения. К сожалению, автор тут же спешит оговориться, что этот общинный уклад в тогдашней Далмации был «инородным организмом» как в территориальном отношении («он значительно ближе к внутривосточному распорядку» с их архаикой), так и хронологически (поскольку «представляет осколок свободы в феодальном обществе»). Это замечание (стр. 206) слишком бегло, оно поверхностно аргументировано и небрежно сформулировано и никак не сочетается с главным тезисом книги.

Действительно, почему провинциальные, глубинные районы «с их примитивным бытом» и отгонным скотоводством (продукция которого, кстати, поступала на город-

ские рынки и ярмарки) «инородны» для Далмации? Почему общинные отношения, для всей этой территории столь характерные, лишь «осколок» чего-то иного (видимо, первобытного прошлого), а не органическая — хотя, возможно, и не преобладающая — часть средневековой жизни страны? Ведь не потому только, что истоки этих отношений и их полный расцвет остались в предшествующей формации? Наконец, как быть с положением о многоукладности далматинской общественной структуры, о которой со справедливой уверенностью говорит сам автор? А ведь такая многоукладность, как известно, была характерна как раз для общественных систем, не вполне сложившихся, причем их «недозрелость» — не стадийная, а типологическая черта.

Другое дело, что, говоря о различных укладах местной жизни, следовало бы точнее определить «удельный вес» каждого из них, и не только в порядке исторической перспективы, как это делает автор, но и применительно к изучаемому им времени.

Вместе с тем ясно, что здесь мы подходим к некоему более общему вопросу, который задает автором. Вопрос этот привлекает внимание не впервые: он присутствует во многих работах, особенно построенных на материале «неклассических» образцов развития феодализма. По существу это «проблема пережитков» предшествующей (или предшествующих) общественных систем. Сейчас уже стало совершенно очевидно, что пора вычленил этот сюжет, и прежде всего проблему социальных пережитков, в тему самостоятельного конкретно-исторического и типологического исследования. Необходимо вычленил и обобщать реликтовые социальные типы, анализировать их место, роль, формы их сочетания с господствующим строем, выявлять факторы их консервации и разложения.

Возвращаясь к книге «Деревня и городская жизнь в Далмации...», хочется сделать автору еще несколько упреков, непосредственно касающихся темы или манеры ее раскрытия. Так, один из наиболее обещающих разделов работы — о крестьянской зависимости — дает меньше ожидаемого, поскольку там почти отсутствует характеристика вотчины XIII—XV вв. Вероятнее всего, это вызвано скудостью материала, но такая же (или даже большая) скудость его не помешала ученому воссоздать облик более ранней вотчины — XI—XII вв. (стр. 130—139). В социально-психологическом этюде присутствует некоторое — кстати, для данного жанра довольно типичное — «смещение»: черты, присущие крестьянскому мировосприятию, расцениваются как особенности мышления именно далматинского крестьянина. Достаточно известные проявления архаизма в мышлении средневекового крестьянства иногда «напрямую» связываются с социальным и экономическим архаизмом местной жизни, иногда же без достаточных оснований выдаются за нечто «новое» (как, например, анимализм местного права). Автор использует этнографическую литературу, особенно для характеристики повседневного сельского быта (дома из грубо отесанного камня, земляные террасы, цистерны для воды и т. д.); не мешало бы, однако, показать, какие изменения произошли здесь за 500 лет. Мало материала приводится о деревенских рынках, даже о хорошо известных автору ярмарках (стр. 53—54; ср. стр. 23).

Особенно досадно, что в книге, задуманной как труд «о деревне и городской жизни», тема города оказалась нераскрытой. Мотивы включения раздела о городе понятны, без него исследователь не смог бы подтвердить один из центральных своих выводов — об особенностях развития товарных отношений в средневековой Далмации: «условно город и деревню в Далмации можно рассматривать не столько в качестве двух обособленных и включавшихся в обмен друг с другом производственных зон, сколько в качестве двух составных частей одной сферы товарного производства, ориентированного в значительной степени на внешний рынок» (стр. 187). Между тем очерк городской жизни гораздо суше остальных глав, он сделан настолько бегло, что лишь знакомство со статьями автора, посвященными городским сюжетам, может помочь читателю разобраться в поставленных очерком вопросах. В итоге раздел о городе оказался чужеродным книге, он нарушает цельность авторской манеры. И возникает естественное пожелание М. М. Фрейденбергу: оформить его многолетние исследования по истории средневекового далматинского города в особую работу, в новую монографию.

Список замечаний и пожеланий, как обычно, можно приумножить. Но главное совсем не в этом. Важно, что М. М. Фрейденберг написал интересную и содержательную монографию, которая уже нашла своего внимательного читателя среди исследователей разных специальностей. Главное в том, что книга помогает заполнить еще одну клетку в типологической таблице европейского средневековья.

А. А. Сванидзе